

СТОЙКОСТЬ

Вспоминая Юлия Даниэля

Независимая газета,
-2000.- 15 нояб. - с. 7

Нея Зоркая

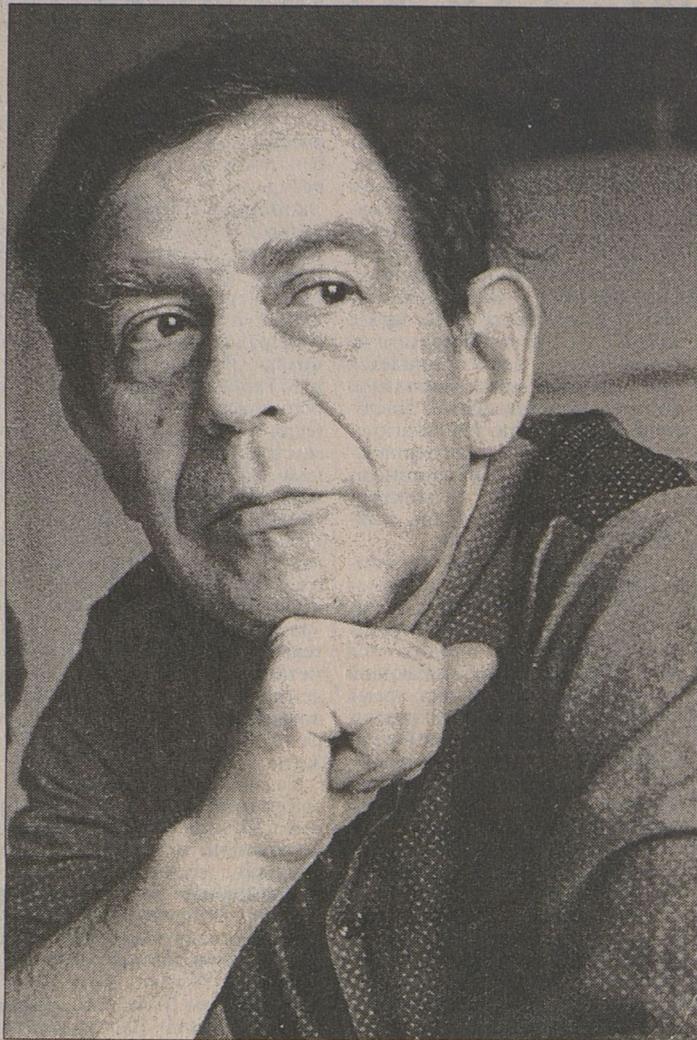
СУД ИДЕТ. Вершится показательный процесс. В зале (кроме кагэбэшников) — интеллигенция, преимущественно писатели — сюда попадают по специальным одноразовым билетам, получить их от начальства СП — большая честь и поощрение за благонадежность. Судят двух литераторов. Судят за профессию, за их произведения, самовольно изданные за границей.

Это февраль 1966 года, но действие творится по образцу 1937-го. Корифеи Союза писателей (из членов парткома) требуют расправы. Литературные дамы обличают «предателей», сладострастно жаждут крови. Приговор: лагерь строгого режима.

В самиздате прославленных «оттепельных» шестидесятых ходила небольшая книжка — повесть «Говорит Москва», автор Николай Аржак. Это был гротеск в стиле, который потом назовут «соц-артом»: традиционная и узнаваемая декорация советского праздника («День шахтера», «День медработника») вмещала в себя некий «День открытых убийств».

Псевдоним «Николай Аржак» избрал Юлий Даниэль, сын писателя. У него была обыкновенная биография предвоенного московского мальчишки. По призыву в 1943-м ушел на фронт, начал рядовым, рядовым и демобилизовался. Без званий, но с инвалидностью по ранению. Окончил филфак Московского областного пединститута, преподавал в школе и писал — прозу, стихи, много переводил. «Говорит Москва» — лишь одна из четырех повестей, тайно персланных и опубликованных на Западе. КГБ, надо отдать ему справедливость, по части сыска идеологической крамолы был на высоте. Сильно злобствовали по поводу псевдонима — «труссы! скрылись!» Как будто не псевдонимы, скажем, Аполлинер, Аркадий Гайдар или Горький...

Но то, что тогда, в феврале 66-го, казалось нестерпимым позором общества и возвратом сталинских времен, стало вехой в становлении сознания советской интеллигенции, — используя выражение Герцена, можно назвать это «внутренним раскрепощением при наружном рабстве». Да, смельчаков отправили в ГУЛАГ, да, впереди были еще и выдворение с родины Солженицына, и суд над Бродским, и ссылка Сахарова, но сразу же полетело аж к самому Брежневу ставшее знаменитым «письмо 63-х»: в защиту осужденных, точнее уже эзков, выступила творческая элита писательской организации, и первыми стояли подписи Ильи Эренбурга, Константина Паустовского, Виктора Шкловского.

Юлий Даниэль.
Фото Игоря Пальмина

«Поразительна судьба сыновей и пасынков твоих, СССР!» — некогда сказал Мандельштам. Значение судьбы и личности Юлия Даниэля не сводится к писательской и гражданской акции, то есть пересылке литературных текстов, за которую он получил лубянской камеру, мордовский концлагерь, Владимирскую тюрьму и калужскую ссылку. И дальнейшая — после осуждения — жизнь Юлия Даниэля являет собой пример высокого благородства. Ни капли озлобления, лишь скорбь о том, что был в своей прежней жизни, как считал он, легкомысленной и беспечной, недостойн преданности и самоотверженности близких, друзей: «была щедра не в меру божья милость...» Сквозь «Стихи из неволи» (так назван изданный впервые в Амстердаме сборник его стихотворений) главной мелодией проходит любовь. К чужим окнам, полным неведомой чужой жизни («немыслимое чудо!»), увиденным из

окна тюремной камеры. Даже к охраннику зоны, в ком этот з/к Даниэль хочет видеть не палача, а очкастого зеленого юнца, которого злым ветром занесло на вышку.

Когда пришла «перестройка», Даниэль не требовал признания заслуг. Не просил компенсаций за перенесенные страдания. Не ожидал наград. Не делал из своего «диссидентства» ни профессии, ни промысла. Не добивался издания его письма — бесценный документ души и сердца, хроника эпохи.

Он тяжело и долго болел — Владимирская тюрьма даром не дастся. Разумеется, мужество было с ним до конца. Он умер в канун нового — 1989 года, 30 декабря. Хоронили Юлия Даниэля в трескучий мороз, Ваганьковское кладбище было полно народа, и друзей, и незнакомых.

Сегодня ему исполнилось бы 75 лет.